

A movie poster for the Russian film 'Точка привязки'. It features a man and a woman standing in a forest. The man is on the left, wearing a dark jacket and pants. The woman is on the right, wearing a beige cardigan and a dark skirt, holding a small white cup. In the background, there is a wooden cabin and a UFO flying in the sky. The title 'Дара Вейн' is at the top in pink, and '«Точка привязки»' is at the bottom in blue.

Дара Вейн

«Точка привязки»

Дара Вейн

«Точка привязки»

«Автор»

2026

Вейн Д.

«Точка привязки» / Д. Вейн — «Автор», 2026

Ханс — разведчик с далёкого Кеплера-442b. Его корабль теряет курс и падает на Землю, в глухом посёлке Визимья. Первой, кто находит его в лесу, становится Лика — тихая девушка, которая печёт хлеб, пьёт чай с мятой и живёт одна в бабушкином доме. Между ними вспыхивает то, что на Кеплере называют «тягой» — притяжение сильнее гравитации. Но у Лики есть Макс — надёжный, сильный, любящий. И пока Макс сходит с ума от ревности, Лика ловит себя на мысли, что чужак с серыми глазами без зрачков понимает её лучше, чем любой человек на Земле. У Ханса есть тридцать дней маскировки, разбитый корабль и бортовой компьютер, который умеет зависать в самый неподходящий момент. И выбор: вернуться домой, где его ждут, — или остаться там, где его держит единственное, чего нет на Кеплере: запах чая, смех от живота и точка привязки по имени Лика.

© Вейн Д., 2026

© Автор, 2026

Дара Вейн

«Точка привязки»

Глава 1. Приземление

Ханс не собирался на Землю. Он вообще никуда не собирался — он летел домой, на Кеплер-442b, после скучной трёхнедельной командировки на разведывательную станцию в секторе 7. Маршрут был простой, проложенный автопилотом, — и Ханс, как обычно, задремал в капсуле, оставив управление бортовому компьютеру.

Компьютер звали Герд. Герд был старый, капризный и имел привычку зависать в самый неподходящий момент — как раз тогда, когда навигационная система требовала корректировки курса у жёлтого карлика под номером G2V.

Ханс проснулся от того, что капсула тряслась, а за иллюминатором полыхал огонь. Не мягкий, гонь домашнего очага на Кеплере, а жёсткий, ревущий, плотный — плазменный, сквозь который корабль падал куда-то, явно не домой.

— Герд, что происходит?!

— Корректировка курса не выполнена, — сообщил Герд голосом, который даже у компьютера звучал виновато. — Гравитационное поле планеты класса М захвачено. Посадка неизбежна. Рекомендую принять горизонтальное положение.

— Какая ещё посадка?! Мы же над...

— Земля. Третья планета от звезды. Класс М, она же — Твердая. Атмосфера: азот семьдесят восемь, кислород двадцать один, аргон...

— Я знаю, что такое Земля! — Ханс вцепился в подлокотники. — Почему мы здесь?!

— Я завис.

— Я вижу, что ты завис!

— Нет, я завис в смысле — завис. Триста лет назад. С тех пор иногда сбою. Простите.

Ханс не успел ответить, потому что капсула вошла в плотные слои атмосферы, тряска стала невыносимой, а за окном полыхнуло так, что он зажмурился.

Последнее, что он услышал перед ударом, был голос Герда:

— Приятного полёта.

Ханс очнулся от запаха. Не визуального, не звукового — именно запаха. На Кеплере запахи были слабые, порошкообразные, как будто кто-то рассыпал по воздуху сушёную траву и забыл убрать. Здесь — было иначе. Пахло землёй, мокрой травой, чем-то сладким и горьким одновременно, чем-то живым.

Он открыл глаза. Капсула лежала на боку, наполовину зарывшись в землю. Иллюминатор был закрыт слоем грязи и листьев. Герд молчал — то ли вырубился от удара, то ли обиделся.

Ханс выбрался через аварийный люк и встал на ноги.

Он был на поляне. Лес, высокий, густой, тёмно-зелёный, какого на Кеплере не выращивали — там деревья были низкие, гладкие и молчаливые. Здесь деревья шумели. Качались. Жили.

Небо было серым, затянутым облаками, и Ханс подумал: красиво. Непривычно, но красиво. На Кеплере небо всегда было розоватым, прозрачным, как стекло. Здесь — как вата, и сквозь вату пробивался тусклый свет.

Он посмотрел на себя. Форма разведчика — серый комбинезон, облегающий, с нашивками сектора 7. На Земле он будет выглядеть... странно. Ханс знал о Земле — теоретически. Каждый кеплерианец проходил курс «Молодые миры»: планеты, где цивилизация ещё не вышла за пределы собственной атмосферы. Земля значилась в учебнике как «развивающаяся, эмоционально нестабильная, интересные запахи».

«Интересные запахи» — это было точно.

Он снял нашивки, спрятал их в карман, активировал маскировочный модуль — маленький диск на запястье, который подстраивал внешность под стандарты доминирующего вида планеты. Модуль пискнул, и Ханс почувствовал, как лицо слегка перестроилось: нос стал меньше, уши — круглее, кожа — светлее. Глаза остались серыми — модуль не трогал глаза, считал их «достаточно нейтральными».

Он выглядел как человек. Почти.

Лес кончился через двадцать минут. За деревьями — дорога, асфальтовая, узкая, с трещинами. За дорогой — посёлок. Небольшой, с частными домами, заборами, собаками на цепях и кошками, которые гуляли сами по себе. На табличке у въезда: «Визимья, 320 жителей».

Ханс не знал, где Визимья, но понимал, что ему нужно куда-то идти. Корабль — разбит. Герд — молчит. Связь с Кеплером — отсутствует. Маскировка — на тридцать дней, потом модуль разрядится, и он станет собой. Тридцать дней.

Он поправил комбинезон — теперь он выглядел как обычный комбинезон рабочего, каких на Земле, видимо, было много — и пошёл в посёлок.

Глава 2. Лика

Лика проснулась от грохота. Не от обычного утреннего грохота, когда соседский петух орал в шесть утра, а от такого, от которого задрожали стёкла и с полки упала кружка — та самая, с надписью «Хорошего дня», которую Макс подарил на день рождения.

— Что за... — Она села на кровати, откинула одеяло, подошла к окну.

За окном — сад, огород, лес за огородом. И над лесом — столб дыма. Тонкий, вертикальный, как нитка.

Лика натянула кроссовки, куртку и побежала.

Она нашла его на краю поляны — мужчину, который стоял у вмятины в земле и смотрел в небо с таким выражением, будто небо ему задолжало. Мужчина был высокий, худой, в сером комбинезоне, с короткими тёмными волосами и лицом, которое показалось Лике... странным. Не плохим — странным. Как будто лицо было почти правильным, но что-то в нём было чуть-чуть не так. Пропорции, может. Или глаза — серые, слишком светлые, как у кошки.

— Эй! — крикнула Лика. — Вы живы?

Мужчина повернулся. Посмотрел на неё. Улыбнулся — и улыбка тоже была странной: слишком ровной, слишком симметричной, как будто он тренировал её перед зеркалом.

— Да, — сказал он. — Я жив. Спасибо.

Голос был спокойный, с лёгким акцентом, который Лика не могла определить. Не иностранный — скорее, нечеловеческий. Как будто человек, который выучил язык по учебнику и говорил правильно, но без тех шероховатостей, которые делают речь живой.

— Что это было? — Лика кивнула на вмятину.

— Метеорит, — сказал мужчина. — Маленький. Уже остыл.

Лика посмотрела на вмятину. Она была круглая, глубокая, с оплавленными краями. Внутри — что-то металлическое, наполовину засыпанное землёй. Метеориты она видела только в музее — маленькие, тёмные, невзрачные. Этот был не похож.

— Вы кто? — спросила она.

— Ханс, — сказал мужчина. — Я... путешественник. Заблудился.

— Откуда?

— Далеко.

Лика посмотрела на него: комбинезон, серые глаза, странная улыбка. Бродяга? Беглый? Маньяк? Нет — не похож. Слишком спокойный, слишком чистый. Маньяки не бывают чистыми.

— Вы голодный? — спросила Лика, потому что не знала, что ещё спросить.

Ханс подумал. На Кеплере чувство голода обозначалось иначе — лёгкое покалывание в локтях, как будто тело напоминало о себе. Здесь, на Земле, он чувствовал что-то в животе — сосущее, тянущее, настойчивое.

— Да, — сказал он. — Кажется, да.

— Пойдёмте. Я чай сделаю.

Лика жила одна. Бабушка умерла два года назад, оставив ей дом — старый, деревянный, с печкой и садом, в котором росли яблони, малина и крапива, которая лезла везде и которую Лика ненавидела. Родители — в городе, звонили по воскресеньям, приезжали редко. Лика осталась в Визимье, потому что город её пугал: слишком много людей, слишком много шума, слишком мало неба.

Она работала — пекла хлеб на заказ, возила в райцентр по средам. Хлеб был хороший — бабушкин рецепт, ржаной, с тмином. Заказов хватало, чтобы жить, но не хватало, чтобы жить хорошо. Лика не жаловалась. Она любила тишину, утренний чай на крыльце и запах хлеба, который заполнял дом, как тёплое одеяло.

Ханс сидел на кухне и смотрел, как она заваривает чай. Он смотрел с тем выражением, которое бывает у людей, впервые видящих что-то простое и от этого — удивительное. Лика заметила и улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.